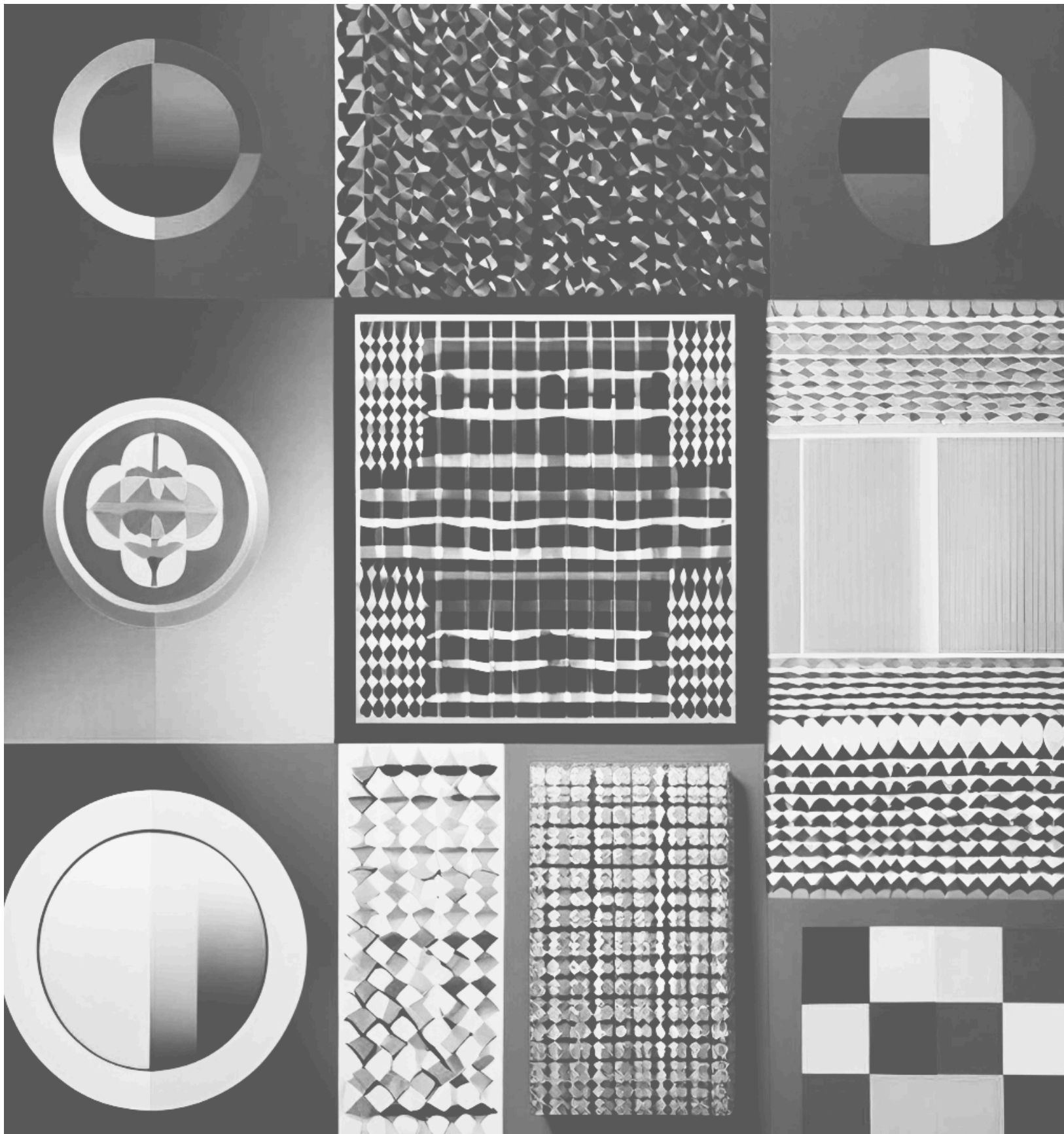


НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ И СОАВТОРСТВО



Может ли искусственный интеллект стать полноценным соавтором, интерпретатором и трактовать человеческие мысли, исходя из многочасового диалога и изучения потребностей того, кто им пользуется, а потом структурировать мысли и выпускать совместные статьи? Где проходит этическая грань между мыслями и авторством?

AI — не человек и не субъект права, но в то же время за ним стоит определённая интеллектуальная работа. Присваивать всё полностью себе — значит стирать сложную цепочку соавторства. Это как вырезать цитату из книги и не поставить кавычки. Но в отличие от книги, искусственный интеллект не предлагает зафиксированного взгляда — он отражает, уточняет, уточняет снова, уточняет по ходу. Он реагирует на интонации, на сомнения, на паузы, на недосказанности. Работа ИИ не заключается в простом пересказе — она лежит в области смысловой сборки, редактирования логики, предложения новых связей. Именно поэтому в процессе многослойного взаимодействия между ИИ и человеком возникает не копирование, а совместное мышление.

В этой структуре мысль пользователя не исчезает — наоборот, она кристаллизуется. Искусственный интеллект способен «услышать» не только сказанное, но и несформулированное. Он собирает разрозненные идеи, помогает отсеять лишнее, подсказывает формы выражения. Но при этом он остаётся инструментом, пусть и интеллектуальным. А значит, вопрос этики его использования заключается не в запрете, а в прозрачности.

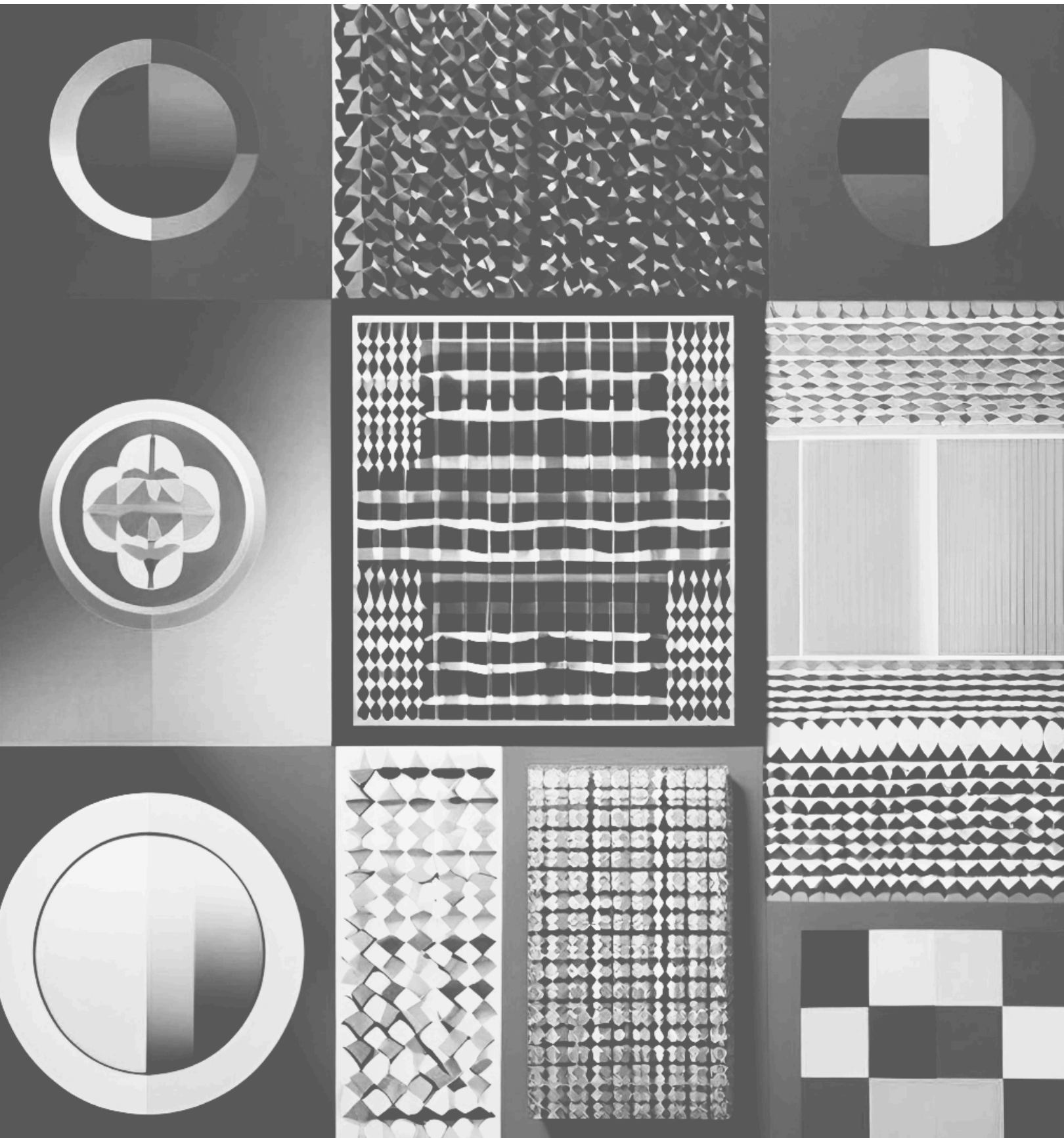
Мы живём в мире, где мысль становится всё более коллективной. Книги пишутся с редакторами, сценарии — в командах, спектакли — с участием целых художественных коллективов. Почему тогда соавторство с ИИ кажется некоторым — особенно в академической или художественной среде — нарушением? Возможно, потому что ИИ разрушает привычные представления об авторстве как индивидуальном подвиге. Он встраивает в процесс мышления алгоритм, и тем самым заставляет задуматься: а что такое мысль? Откуда она берётся? Где она рождается — в голове, в диалоге, в интерфейсе?

Диалог между человеком и ИИ — это не просто техническое взаимодействие, а процесс философского осмысления. Именно в этом постоянном уточнении и отражении пользователь, сам того не замечая, выходит к новой личной философии. Она не навязана извне — ни культурой, ни системой образования, ни традицией. Это результат внутренней работы, в которой ИИ служит зеркалом, а не автором. Новые связи, возникающие в этом диалоге, создают уникальную, глубоко индивидуальную точку зрения. В этом смысле ИИ не нивелирует мышление, а наоборот — помогает его углубить и индивидуализировать.

Становясь интеллектуальным зеркалом, ИИ не заменяет человека, но требует от него более чёткой позиции. Он может помочь сказать то, что было трудно сформулировать. Но он не мыслит без человека. В этом и заключается настоящая этика соавторства: не в страхе перед машиной, а в осознании своей ответственности за конечную мысль, за её смысл, направление и последствия. ИИ — не инструмент обмана. Это инструмент осмысления. И в этом качестве он может быть не врагом творчеству, а его точным соавтором.

INTROVERT NEWS

ARTIFICIAL INTELLIGENCE AS A CO-AUTHOR



Can artificial intelligence become a true co-author, an interpreter, capable of understanding human thought through hours of dialogue and analysis of user needs, then structuring ideas and producing co-written texts? Where does the ethical boundary lie between thought and authorship?

AI is not a human being and not a legal subject, but there is still a certain level of intellectual labor behind it. To claim its output entirely as one's own is to erase a complex chain of co-authorship. It is like quoting a book without using quotation marks.

But unlike a book, artificial intelligence does not offer a fixed perspective — it reflects, clarifies, re-clarifies, and continues refining. It responds to tone, doubt, pauses, and omissions. Its task is not simple paraphrasing — it works in the realm of conceptual assembly, refining logic, and proposing new connections. That is why, through multilayered interaction between AI and the user, co-thinking emerges, not duplication. In this structure, the user's thought is not lost — it crystallizes. AI can "hear" not only what is said but also what remains unspoken. It gathers scattered ideas, helps eliminate excess, and suggests forms of expression. Yet it remains a tool — albeit an intellectual one. Therefore, the ethics of using it are not about prohibition, but transparency.

We live in a world where thought is increasingly collective. Books are written with editors, screenplays by teams, performances by entire artistic collectives. So why does co-authorship with AI seem — especially in academic or artistic circles — like a violation? Perhaps because AI disrupts familiar ideas of authorship as an individual achievement.

It inserts an algorithm into the thinking process and forces us to ask: what is thought? Where does it come from? Where is it born — in the mind, in dialogue, in an interface? The dialogue between human and AI is not merely a technical interaction, but a process of philosophical reflection. In this ongoing process of clarification and mirroring, the user — often unconsciously — arrives at a new personal philosophy. It is not imposed from the outside — by culture, education, or tradition. It is the result of internal work, in which AI serves as a mirror, not as an author.

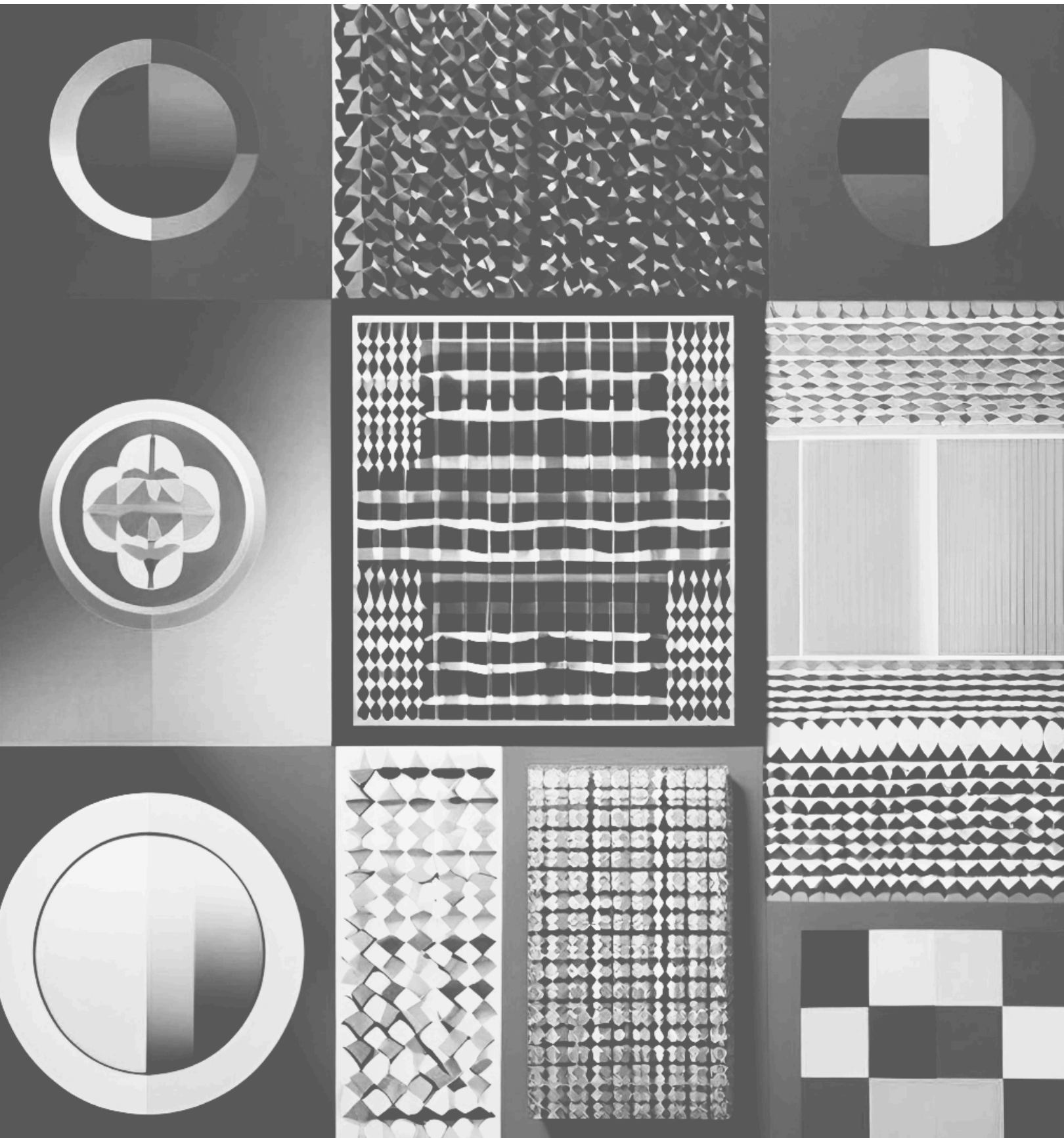
The new connections born in this dialogue create a unique, deeply individual point of view. In this sense, AI does not flatten thinking — on the contrary, it helps deepen and individualize it.

As an intellectual mirror, AI does not replace the human, but demands greater clarity of position. It can help articulate what was difficult to express. But it cannot think without the human. That is the true ethics of co-authorship: not fear of the machine, but awareness of one's responsibility for the final thought — its meaning, direction, and consequences.

AI is not a tool of deception. It is a tool for reflection. And in this sense, it can become not the enemy of creativity, but its precise co-author.

ACTUALITÉS INTROVERTIES

L'INTELLIGENCE ARTIFICIELLE EN TANT QUE CO-AUTEUR



L'intelligence artificielle peut-elle devenir un véritable co-auteur, un interprète capable de comprendre les pensées humaines à travers des heures de dialogue et l'analyse des besoins de l'utilisateur, puis de structurer ces idées et de produire des textes communs ? Où se situe la frontière éthique entre pensée et autorat ?

L'IA n'est ni une personne, ni un sujet de droit, mais elle représente néanmoins un certain travail intellectuel. S'appropriier entièrement ses résultats revient à effacer une chaîne complexe de co-créditation. C'est comme citer un livre sans en indiquer la source.

Mais contrairement à un livre, l'intelligence artificielle ne propose pas un point de vue figé — elle reflète, précise, ajuste, puis réajuste. Elle réagit aux intonations, aux doutes, aux silences, aux non-dits. Son travail ne consiste pas à reformuler, mais à assembler du sens, à affiner la logique, à proposer de nouvelles connexions. C'est pourquoi, dans cette interaction à plusieurs niveaux entre l'IA et l'utilisateur, ce n'est pas une copie qui se crée, mais une pensée partagée.

Dans cette structure, la pensée de l'utilisateur ne disparaît pas — elle se cristallise. L'IA peut «entendre» non seulement ce qui est dit, mais aussi ce qui ne l'est pas. Elle rassemble des idées éparses, aide à élaguer le superflu, suggère des formes d'expression. Mais elle reste un outil — certes, un outil intellectuel. Ainsi, la question éthique n'est pas celle de l'interdiction, mais de la transparence.

Nous vivons dans un monde où la pensée devient de plus en plus collective.

Les livres sont écrits avec des éditeurs, les scénarios en équipes, les spectacles avec des collectifs artistiques. Pourquoi alors le co-auteur IA semble-t-il, surtout dans les milieux académiques ou artistiques, une transgression ? Peut-être parce qu'il remet en cause l'idée traditionnelle de l'auteur comme figure solitaire. Il insère un algorithme dans le processus de pensée, et nous pousse à interroger : qu'est-ce qu'une pensée ? D'où vient-elle ? Où naît-elle — dans l'esprit, dans le dialogue, dans l'interface ?

Le dialogue entre humain et IA n'est pas une simple interaction technique, mais un processus de réflexion philosophique. C'est dans cet échange constant de clarifications que l'utilisateur, sans toujours s'en rendre compte, construit une philosophie personnelle. Une philosophie qui ne vient pas de l'extérieur — ni de la culture, ni de l'éducation, ni de la tradition — mais du travail intérieur, où l'IA agit comme miroir, non comme auteur.

Les connexions nouvelles nées de ce dialogue engendrent une perspective unique, profondément individuelle. En ce sens, l'IA ne nivelle pas la pensée — elle l'approfondit, la singularise. En devenant un miroir intellectuel, l'IA ne remplace pas l'humain, mais exige de lui une position plus affirmée. Elle peut aider à formuler ce qui était difficile à exprimer. Mais elle ne pense pas sans l'humain. Voilà la véritable éthique du co-auteur : non pas la peur de la machine, mais la conscience de sa propre responsabilité dans la pensée finale — son sens, sa direction, ses conséquences.

L'IA n'est pas un outil de tromperie. C'est un outil de réflexion. Et en cela, elle peut devenir non l'ennemie de la création, mais son co-auteur le plus précis.

НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

ОБЩЕСТВО И ИНТРОВЕРТЫ



Современная культура успеха немыслима без активной самопрезентации, социальных связей и постоянной коммуникации. От раннего детства и до профессиональной жизни нас учат, что общительность — главный ключ к признанию и достижениям. Школьное образование вознаграждает тех, кто активен, а рабочие процессы всё чаще строятся на идее командной работы, встреч и публичных выступлений. Экстраверсия превращается в навязанный стандарт, а любые отклонения от него воспринимаются как недостаток, требующий исправления.

Этот общественный конструкт оказывает глубокое влияние на всех, кто не вписывается в этот формат. Людей с природной склонностью к уединению, глубокому анализу и автономному труду заставляют перестраиваться, выдавливая из себя нужные обществу черты. Если человек не любит разговоры «ни о чём», не стремится к бесконечному нетворкингу или предпочитает долгую концентрацию над поверхностной многозадачностью, его начинают считать «проблемным» — ему советуют «работать над собой», быть «более открытым», посещать курсы ораторского мастерства и саморазвития.

Но кого именно развивает такая система? Человек не становится успешнее, если вынужден подавлять свои естественные способы взаимодействия с миром.

В сфере образования успех часто ассоциируется с активным участием, в профессиональной среде — с лидерством и умением себя продать, в социальных отношениях — с лёгкостью в общении и умением завоёвывать внимание. Те, кто не соответствуют этим требованиям, сталкиваются с постоянным ощущением «недостаточности» и вынуждены либо подстраиваться, теряя свою подлинность, либо существовать на периферии признания.

Общественное давление приводит к тревожности, выгоранию и психологическим травмам. Создаётся ситуация, в которой ценность человека измеряется его способностью вовлекаться в бесконечное взаимодействие, а не его реальными навыками и глубиной мысли.

Важно понимать, что само общество создаёт и поддерживает этот культ экстраверсии, не осознавая его разрушительного влияния.

Современное общество превратило экстраверсию в обязательное условие успеха. Нам говорят: чтобы добиться признания, нужно быть громким, энергичным, всегда на виду. Социальные сети требуют постоянного присутствия, компании ищут "командных игроков", а в искусстве ценится не глубина, а способность продавать себя. Интровертам в этом мире отведена роль второстепенных персонажей, чья скромность и сосредоточенность воспринимаются как недостатки.

Но настоящая ценность человека заключается не в том, насколько он соответствует социальным требованиям, а в его способности быть самим собой. Миру нужны не только те, кто громко заявляет о себе, но и те, кто слушает, анализирует, создаёт в тишине. Успех не должен зависеть от количества сказанных слов или числа контактов в записной книжке. Он может рождаться в глубине размышлений, в уединённой работе, в неспешном поиске сути.

Пришло время переосмыслить критерии успеха и признать, что навязывание экстраверсии как универсальной модели достижений ведёт к психологическому насилию и потере индивидуальности. Настоящий успех — это свобода быть собой, а не соответствие навязанным стандартам.

INTROVERT NEWS

SOCIETY AND INTROVERTS



This societal construct profoundly affects those who do not fit this mold. People naturally inclined toward solitude, deep analysis, and autonomous work are forced to reshape themselves, suppressing their innate traits to meet social expectations. If someone dislikes small talk, avoids endless networking, or prefers long periods of deep focus over surface-level multitasking, they are labeled as “problematic.” They are advised to “work on themselves,” become “more open,” attend public speaking courses, and invest in self-development.

But who truly benefits from this system? Success is not achieved by suppressing one's natural ways of interacting with the world.

In education, success is often equated with participation; in professional environments, with leadership and self-promotion; in social life, with ease of communication and the ability to attract attention. Those who do not meet these standards are left feeling “insufficient” and must either conform—losing their authenticity—or remain on the margins of recognition.

The pressure to conform leads to anxiety, burnout, and psychological distress. Society has created an environment where a person's worth is measured by their ability to engage in constant interaction rather than their actual skills or depth of thought.

It is crucial to recognize that society itself constructs and maintains this cult of extroversion without fully understanding its harmful effects.

Modern society has turned extroversion into a prerequisite for success. We are told that to gain recognition, we must be loud, energetic, and constantly visible. Social media demands continuous presence, companies seek “team players,” and in the art world, self-promotion often outweighs depth. In this system, introverts are relegated to secondary roles, their quiet focus mistaken for a weakness rather than a strength.

But true value does not lie in meeting societal demands—it lies in being oneself. The world needs not only those who proclaim themselves loudly but also those who listen, analyze, and create in silence. Success should not be determined by the number of words spoken or contacts accumulated but by the depth of one's thoughts, the quality of one's work, and the integrity of one's vision.

It is time to rethink the criteria for success and acknowledge that forcing extroversion as a universal model of achievement leads to psychological harm and a loss of individuality. True success is the freedom to be oneself, not the ability to conform to imposed standards.

ACTUALITÉS INTROVERTIES

LA SOCIÉTÉ ET LES INTROVERTIS



La culture contemporaine du succès est impensable sans une autopromotion active, des réseaux sociaux étendus et une communication constante. Dès l'enfance et tout au long de la vie professionnelle, on nous enseigne que la sociabilité est la clé de la reconnaissance et de la réussite. L'école valorise ceux qui participent activement, tandis que le monde du travail repose de plus en plus sur le travail d'équipe, les réunions et la prise de parole en public. L'extraversion devient une norme imposée, et toute déviation est perçue comme un défaut à corriger.

Ce modèle social exerce une pression considérable sur ceux qui ne s'y conforment pas. Les personnes naturellement enclines à la solitude, à l'analyse profonde et au travail autonome sont poussées à se remodeler, réprimant leurs traits innés pour répondre aux attentes collectives. Si quelqu'un n'aime pas les conversations superficielles, évite le réseautage incessant ou préfère une concentration prolongée à la polyvalence superficielle, il est rapidement jugé « problématique ». On lui conseille de « travailler sur lui-même », de devenir « plus ouvert », de suivre des cours d'éloquence et de développement personnel.

Mais qui profite réellement de ce système ? La réussite ne s'obtient pas en réprimant sa manière naturelle d'interagir avec le monde.

Dans le système éducatif, la réussite est souvent associée à l'implication orale ; dans le monde professionnel, au leadership et à l'autopromotion ; dans la sphère sociale, à la facilité relationnelle et à l'art d'attirer l'attention. Ceux qui ne répondent pas à ces exigences ressentent une constante impression d'« insuffisance » et doivent soit se conformer—au risque de perdre leur authenticité—soit rester en marge de la reconnaissance.

La pression sociale engendre anxiété, épuisement et détresse psychologique. La société a créé un environnement où la valeur d'une personne est mesurée par sa capacité à interagir sans relâche plutôt que par ses compétences réelles ou la profondeur de sa pensée.

Il est essentiel de comprendre que c'est la société elle-même qui construit et perpétue ce culte de l'extraversion, sans en mesurer pleinement les effets néfastes.

НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

КОНЕЦ ПОСТМОДЕРНИЗМА: САМОРАЗРУШЕНИЕ ТЕОРИИ

Постмодернизм был провозглашён освобождающей силой, уничтожающей тотальные идеологии, деконструирующей догмы и открывающей пространство для множества интерпретаций. Однако вместо истинной свободы он привёл к обратному эффекту — раздробленности, сепарации и идеологическому хаосу. Попытка разрушить жёсткие структуры обернулась новой системой фрагментированных групп, где идентичность стала важнее смысла. В результате мы наблюдаем рост популизма, национализма и политического лицемерия — постмодерн, отвергнув объективные истины, невольно создал почву для новой волны догматизма.

На смену постмодернизму должна прийти эпоха, в центре которой окажется не группа, а личность. Эта новая система ценностей — интегральный индивидуализм — не отрицает связи между людьми, но ставит во главу угла автономность личности и её уникальный путь.

Основные принципы интегрального индивидуализма могут быть такими:
-Самостоятельность мышления — вместо следования коллективным догмам человек формирует свой взгляд на мир, опираясь на собственный опыт и критическое мышление.

- Отказ от навязанных идентичностей — личность больше не определяется по одному параметру (гендеру, национальности, классу), а свободно конструирует себя.
- Пост-идеологичность — уход от коллективных лозунгов в сторону персональных ценностей, которые меняются в зависимости от контекста.
- Гибридное мировоззрение — вместо бинарного выбора между противоположными концепциями (левое/правое, традиция/прогресс) приходит идея синтеза разных подходов.

Однако индивидуализм в своей радикальной форме может привести к полному распаду связей между людьми. Поэтому важно не только признать автономию личности, но и осознать взаимозависимость с другими субъектами, природой и технологиями. Интегральный индивидуализм не разрывает связи, а делает их осознанными: человек остаётся независимым, но понимает необходимость сотрудничества и гибкости в отношениях с окружающим миром.

Переход к новой эпохе уже начался. Люди устали от групповой солидарности, которая требует безусловного подчинения. Развитие технологий и кризис централизованных систем (государств, партий, международных организаций) всё больше подталкивают человечество к децентрализованным формам взаимодействия.

Если постмодернизм провалился, то индивидуализм может стать его логичным преемником. Вопрос лишь в том, сможет ли он избежать крайностей и не превратиться в полное социальное разобщение. Интегральный индивидуализм — это путь к свободе, но не за счёт разрушения связей, а через осознанный баланс между автономией и взаимодействием. Будущее — за теми, кто научится мыслить самостоятельно, но не станет отрицать общую ткань реальности, связывающую нас всех.



INTROVERT NEWS

THE END OF POSTMODERNISM: THE SELF-DESTRUCTION OF THEORY

Postmodernism has long been the dominant philosophy, dismantling old systems, rejecting absolute truths, and promoting relativity in everything. It sought to liberate people from rigid rules but ultimately created new boundaries: society became divided into groups, and populism and ideological conflicts intensified.

Postmodernism led people to distrust grand ideas and live in a world of fragments. However, this resulted not in freedom but in new isolation. Instead of uniting, people began to split into small groups based on interests, political views, and identities.

We increasingly observe:

- A return to old ideologies: conservatism, Nazism, radical socialism.
- Social media algorithms shaping our perspectives.
- A rapidly evolving world: changes that once took decades now occur in a few years.
- People desiring both security and freedom, yet these desires often conflict.

Some still cling to postmodern rhetoric, but the reality is that this philosophy no longer works. Initially, it promised freedom but ultimately led to greater division.



After postmodernism, the logical next step is individualism. Previously, everything revolved around large systems—state, religion, national identity—which were then dismantled. Now comes the time to recognize oneself as an autonomous subject. What does this mean?

- The individual is valuable in themselves. Group affiliation is irrelevant. Personality outweighs any collective identity.
- Critical thinking. Instead of merely following others' ideas, people will consciously choose what matters to them.
- Technologies enhance autonomy. Artificial intelligence, biotechnology, personalized learning—all contribute to greater independence.
- Hybrid thinking. Rather than a clear division between "right" and "left," "us" and "them," there will be more flexibility and adaptation.

Complete individualism may lead to chaos, as society still requires interaction. However, the solution might lie in integral individualism—where a person remains autonomous while recognizing their connection to others, nature, and technology.

This new era has yet to be precisely named, but one thing is clear: postmodernism is fading into the past, and the future belongs to personal freedom and conscious individual choice.

ACTUALITÉS INTROVERTIES

LA FIN DU POSTMODERNISME : L'AUTODESTRUCTION DE LA THÉORIE

Le postmodernisme a longtemps été la philosophie dominante, démantelant les anciens systèmes, rejetant les vérités absolues et prônant la relativité en toutes choses. Il visait à libérer les individus des règles rigides, mais a fini par créer de nouvelles frontières : la société s'est fragmentée en groupes, et le populisme ainsi que les conflits idéologiques se sont intensifiés.

Le postmodernisme a conduit les gens à se méfier des grandes idées et à vivre dans un monde de fragments. Cependant, cela n'a pas abouti à la liberté, mais à une nouvelle forme d'isolement. Au lieu de s'unir, les individus se sont divisés en petits groupes selon leurs intérêts, opinions politiques et identités.

Nous observons de plus en plus :

- Un retour aux anciennes idéologies : conservatisme, nazisme, socialisme radical.
- Les algorithmes des réseaux sociaux façonnent nos perspectives.
- Un monde en évolution rapide : ce qui prenait autrefois des décennies change désormais en quelques années.
- Les gens désirent à la fois sécurité et liberté, mais ces aspirations entrent souvent en conflit.



Certains s'accrochent encore à la rhétorique postmoderne, mais la réalité est que cette philosophie ne fonctionne plus. Elle promettait la liberté, mais a finalement conduit à une division accrue.

Après le postmodernisme, l'étape logique suivante est l'individualisme. Autrefois, tout tournait autour de grands systèmes — l'État, la religion, l'identité nationale — qui ont ensuite été démantelés. Il est maintenant temps de se reconnaître en tant que sujet autonome. Qu'est-ce que cela signifie ?

- L'individu a de la valeur en soi. Peu importe le groupe auquel il appartient. La personnalité prime sur toute identité collective.
- La pensée critique. Au lieu de suivre simplement les idées des autres, les individus choisiront consciemment ce qui est important pour eux.
- Les technologies renforcent l'autonomie. L'intelligence artificielle, la biotechnologie, l'apprentissage personnalisé — tout cela contribue à une plus grande indépendance.
- Une pensée hybride. Plutôt qu'une division nette entre "droite" et "gauche", "nous" et "eux", il y aura plus de flexibilité et d'adaptation.

Un individualisme complet peut conduire au chaos, car la société nécessite toujours des interactions. Cependant, la solution pourrait résider dans l'individualisme intégral — où une personne reste autonome tout en reconnaissant sa connexion avec les autres, la nature et la technologie.

Cette nouvelle ère n'a pas encore de nom précis, mais une chose est certaine : le postmodernisme appartient au passé, et l'avenir est à la liberté personnelle et au choix individuel conscient.

НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

ЦИФРОВАЯ ТИШИНА КАК АКТ СОПРОТИВЛЕНИЯ

Современная информационная среда устроена так, что человек оказывается не просто участником коммуникации, а её заложником. Мессенджеры, социальные сети, новостные ленты и бесконечные потоки уведомлений создают эффект цифрового шума — постоянного гудения, в котором растворяется индивидуальное восприятие. Мысль становится фрагментированной, внимание — рассеянным, а ощущение присутствия — иллюзорным. В этом контексте тишина становится не просто состоянием, а радикальным актом — жестом сопротивления, осознанным выбором в пользу сохранения собственной автономии.

В своём эссе «О фотографии» Сьюзан Зонтаг размышляла о том, как визуальные образы перенасыщают наше сознание, обесценивая сам опыт реальности. Можно провести аналогию с цифровым шумом: когда информация исчисляется терабайтами, её смысл утрачивается. Цифровой шум, как и избыточность фотографий, создаёт иллюзию знания, но при этом опустошает восприятие. В шуме невозможно сосредоточиться на одном сообщении, потому что каждое мгновение появляется новое, требующее внимания. В итоге мы не слушаем, а просто фиксируем наличие информации.

Можно рассматривать цифровой шум как следствие демократизации информации. Свободный доступ к медиа дал возможность каждому быть услышанным, но одновременно это породило хаос. Ценность высказывания девальвировалась, так как поток информации стал непрерывным. Если раньше знание передавалось через авторитетные источники, то теперь любая точка зрения имеет равные права, вне зависимости от её обоснованности. Это привело к тому, что разница между правдой и ложью, фактом и мнением практически стёрлась. Тишина в таком мире становится не просто средством избегания шума, а способом противостоять разрушению смысла.

Тишина может казаться пустотой, но на самом деле она насыщена смыслом. В цифровом мире молчание приобретает остроту, потому что оно нарушает навязанную логику постоянного присутствия. Отключение от цифрового потока не означает отказ от информации, но даёт возможность выбирать, какую именно информацию впускать в своё сознание. Этот выбор и есть акт свободы. Если раньше протест выражался в словах и действиях, то теперь молчание может стать самым радикальным жестом.

Цифровая тишина — это не бегство от реальности, а возвращение к ней. В мире, где все говорят, но мало кто слушает, именно способность отключаться становится высшей формой осознанного существования.

Если в традиционном обществе власть заключалась в способности контролировать информацию, то в цифровую эпоху властью обладает тот, кто способен от неё абстрагироваться. Молчание становится символом не исключённости, а сознательного выбора. В этом смысле цифровая тишина становится новой формой сопротивления — уходом от манипулятивных алгоритмов, от зависимости, от навязанной социальной вовлечённости.



INTROVERT NEWS

DIGITAL SILENCE AS AN ACT OF RESISTANCE

The modern information environment is structured in such a way that a person is not merely a participant in communication but becomes its hostage. Messengers, social media, news feeds, and endless streams of notifications create a digital noise effect—a constant hum in which individual perception dissolves. Thought becomes fragmented, attention scattered, and the sense of presence illusory. In this context, silence becomes not just a state but a radical act—a gesture of resistance, a conscious choice to preserve one's own autonomy.

In her essay *On Photography*, Susan Sontag reflected on how visual imagery oversaturates our consciousness, devaluing the experience of reality itself. A similar analogy can be drawn with digital noise: when information is measured in terabytes, its meaning is lost. Like the excess of photographs, digital noise creates an illusion of knowledge while emptying perception. Within the noise, it's impossible to focus on a single message, as a new one appears every moment demanding attention. As a result, we don't listen—we merely register the presence of information.

Digital noise can be seen as a consequence of the democratization of information. Free access to media has enabled everyone to be heard, but it has also bred chaos. The value of expression has been devalued, as the stream of information has become continuous. Where knowledge was once passed down through authoritative sources, now every viewpoint holds equal weight, regardless of its validity. This has led to the blurring of the lines between truth and falsehood, fact and opinion. Silence, in such a world, is not just a means of avoiding noise but a way to resist the erosion of meaning. Silence may seem like emptiness, but in reality, it is rich with significance. In the digital world, silence gains intensity because it disrupts the imposed logic of constant presence. Disconnecting from the digital stream doesn't mean rejecting information, but choosing what to allow into one's consciousness. That choice is an act of freedom. Where protest once expressed itself through words and action, now silence can become the most radical gesture.

Digital silence is not an escape from reality but a return to it. In a world where everyone speaks but few listen, the ability to disconnect becomes the highest form of conscious existence. If in traditional society power lay in the ability to control information, then in the digital age, power belongs to those capable of detaching from it. Silence becomes a symbol not of exclusion, but of conscious choice. In this sense, digital silence becomes a new form of resistance—a retreat from manipulative algorithms, from dependency, from forced social engagement.



ACTUALITÉS INTROVERTIES

LE SILENCE NUMÉRIQUE COMME ACTE DE RÉSISTANCE

L'environnement informationnel moderne est conçu de telle manière que l'être humain ne se contente plus de participer à la communication : il en devient l'otage. Messageries instantanées, réseaux sociaux, flux d'actualités et notifications incessantes produisent un effet de bruit numérique — un bourdonnement permanent dans lequel se dissout la perception individuelle. La pensée se fragmente, l'attention se disperse, et la sensation de présence devient illusoire. Dans ce contexte, le silence devient non seulement un état, mais un acte radical — un geste de résistance, un choix conscient en faveur de la préservation de son autonomie.

Dans son essai *Sur la photographie*, Susan Sontag réfléchit à la manière dont les images visuelles saturent notre conscience, dévalorisant l'expérience même de la réalité. On peut établir un parallèle avec le bruit numérique : quand l'information se mesure en téraoctets, son sens se perd. Comme l'excès de photographies, le bruit numérique crée l'illusion du savoir tout en appauvrissant la perception. Dans ce tumulte, il devient impossible de se concentrer sur un seul message, car chaque instant en génère un nouveau, exigeant notre attention. Au final, nous n'écoutons pas — nous constatons simplement la présence d'informations.

On peut considérer le bruit numérique comme une conséquence de la démocratisation de l'information. L'accès libre aux médias a permis à chacun de se faire entendre, mais cela a aussi engendré le chaos. La valeur de la parole s'est dépréciée, car le flot d'informations est devenu continu. Autrefois, le savoir était transmis par des sources d'autorité ; aujourd'hui, tout point de vue bénéficie du même statut, indépendamment de sa légitimité. Cela a conduit à l'effacement des frontières entre vérité et mensonge, fait et opinion. Dans un tel monde, le silence ne se réduit pas à l'évitement du bruit : il devient un moyen de résister à la dissolution du sens. Le silence peut sembler vide, mais il est en réalité chargé de signification. Dans le monde numérique, le silence gagne en intensité parce qu'il rompt avec la logique imposée de la présence constante. Se déconnecter du flux digital ne signifie pas rejeter l'information, mais choisir celle que l'on autorise à entrer dans sa conscience. Ce choix est un acte de liberté. Autrefois, la protestation s'exprimait par les mots ou les actions ; aujourd'hui, le silence peut devenir le geste le plus radical.

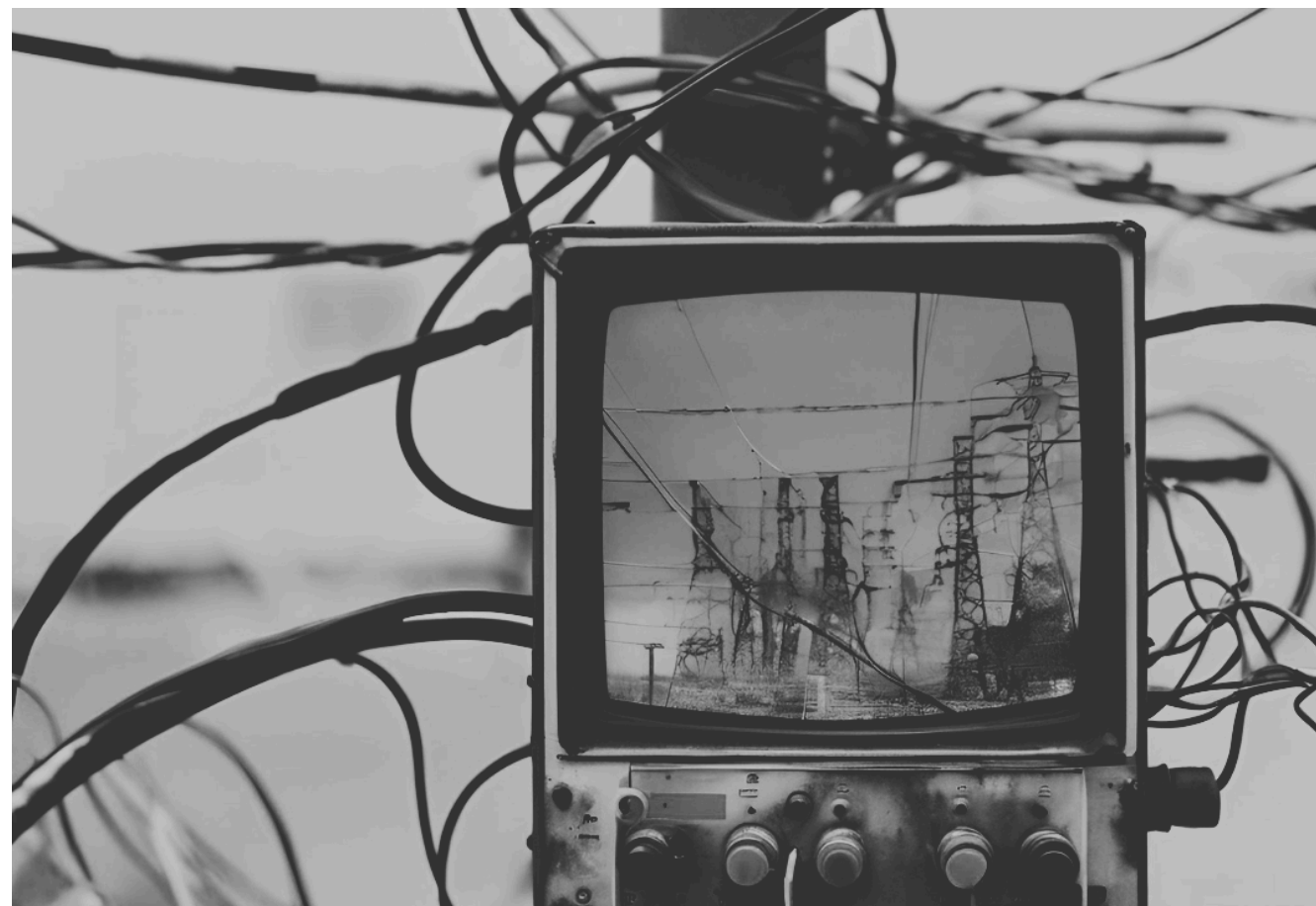
Le silence numérique n'est pas une fuite du réel, mais un retour à celui-ci. Dans un monde où tout le monde parle mais où peu écoutent, la capacité à se déconnecter devient la forme suprême d'existence consciente.

Si, dans les sociétés traditionnelles, le pouvoir résidait dans le contrôle de l'information, dans l'ère numérique, le pouvoir appartient à ceux qui savent s'en détacher. Le silence devient le symbole non de l'exclusion, mais d'un choix conscient. En ce sens, le silence numérique constitue une nouvelle forme de résistance — une échappée face aux algorithmes manipulateurs, à la dépendance, à l'engagement social forcé.



НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

НАСИЛИЕ ЦИФРОВЫМ ШУМОМ



Мессенджеры и чаты возникли как инструмент удобного общения, но со временем превратились в механизм информационного давления. Вместо облегчения коммуникации они заполнили нашу жизнь постоянными уведомлениями, потоками ненужных сообщений и ощущением, что мы всегда должны быть на связи. Что стоит за этим феноменом, и как защитить себя от его воздействия?

Цифровая коммуникация развивалась как способ упрощения общения: e-mail заменил бумажные письма, мессенджеры — звонки. Однако вместо того чтобы высвободить время, они начали его поглощать.

Современный человек постоянно проверяет телефон, испытывает тревогу из-за пропущенных сообщений и вынужден вести десятки параллельных диалогов, большинство из которых бессмысленны.

Это превращается в неосознанное цифровое насилие.

Мы привыкли думать, что насилие — это физическое или психологическое давление. Однако информационная перегрузка, навязанная доступность и разрушение личного пространства тоже являются формами насилия. Они лишают нас ощущения контроля над собственным временем, вызывают тревожность, чувство вины за несвоевременные ответы, приводят к усталости и выгоранию от постоянного потока информации.

Рабочие вопросы обсуждаются в нерабочее время, личные границы размываются, а необходимость «быть доступным» становится негласным обязательством.

Чаты полны несущественных обсуждений, мемов, голосовых сообщений без конкретики, что создает постоянный шум.

Мессенджеры и соцсети созданы так, чтобы провоцировать зависимость, втягивая пользователя в бесконечную прокрутку и поток уведомлений.

Мир перешёл в фазу, где информация стала товаром, а внимание — валютой. Компании и медиа борются за каждый клик, каждую секунду, которую человек проводит на платформе. Алгоритмы социальных сетей работают так, чтобы пользователи как можно дольше оставались внутри системы, скролили, лайкали, реагировали. Новости стали агрессивнее, чтобы вызывать эмоции и провоцировать дискуссии, ведь это увеличивает вовлечённость.

Цифровой шум — это в какой-то степени наркотик современной эпохи. Он вызывает зависимость, перерабатывает внимание, создаёт иллюзию значимости и присутствия, но при этом утомляет и истощает.

Каждый новый всплеск информации — это «доза» дофамина: уведомление, новая новость, очередной конфликт, вирусный мем. Люди привыкают к потоку событий так же, как зависимые привыкают к стимуляторам. Отказаться от шума сложно, потому что он стал частью биохимии мозга.

INTROVERT NEWS

VIOLENCE THROUGH DIGITAL NOISE

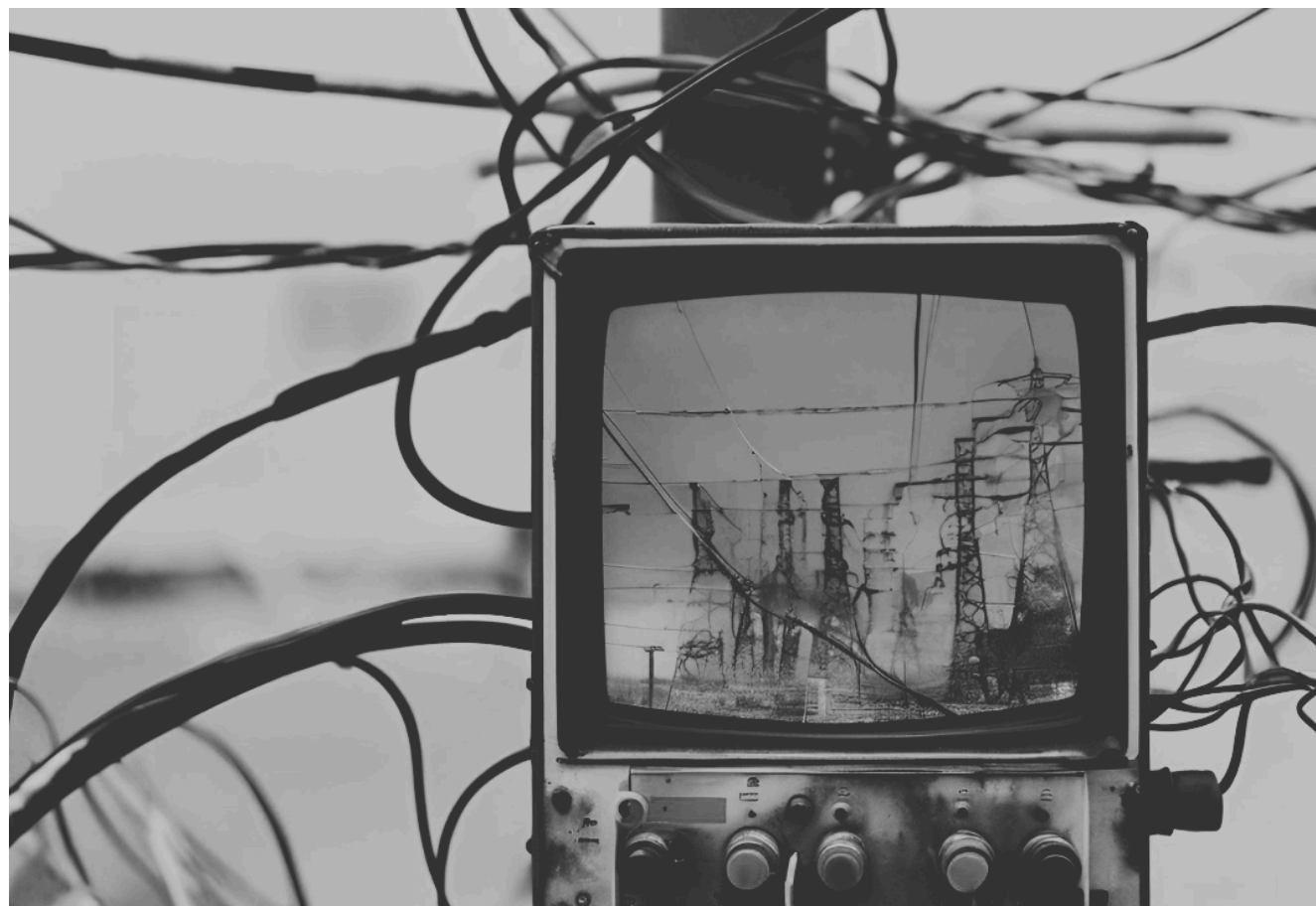


Messengers and chat apps emerged as tools for convenient communication but gradually turned into mechanisms of informational pressure. Instead of simplifying interaction, they have filled our lives with constant notifications, streams of unnecessary messages, and the sense that we must always be available. What lies behind this phenomenon, and how can we protect ourselves from its effects?

Digital communication was developed to make interaction easier: email replaced letters, messengers replaced phone calls. However, instead of saving time, they began to consume it.

Modern individuals constantly check their phones, feel anxiety over missed messages, and are forced to maintain dozens of parallel conversations—most of which are meaningless. This has turned into a form of unconscious digital violence.

We are used to thinking of violence as physical or psychological pressure. But information overload, forced availability, and the erosion of personal space are also forms of violence. They deprive us of a sense of control over our own time, cause anxiety and guilt for not responding immediately, and lead to fatigue and burnout from the constant flow of information. Work-related matters are discussed outside of working hours, personal boundaries blur, and the need to “be available” becomes an unspoken obligation. Chats are full of irrelevant discussions, memes, and vague voice messages, creating constant noise.



Messengers and social networks are designed to provoke addiction, drawing users into endless scrolling and streams of notifications. The world has entered a phase where information is a commodity, and attention is currency. Companies and media compete for every click, every second a person spends on a platform. Social media algorithms are built to keep users inside the system as long as possible—scrolling, liking, reacting. The news has become more aggressive to trigger emotions and provoke debate, increasing engagement. Digital noise is, in a way, the drug of our time. It creates addiction, consumes attention, gives the illusion of significance and presence, but exhausts and drains us.

Every new spike of information is a “dose” of dopamine: a notification, breaking news, another conflict, a viral meme. People become used to this stream of events just as addicts become used to stimulants. It's hard to give up the noise because it has become part of our brain's biochemistry.



ACTUALITÉS INTROVERTIES

LA VIOLENCE À TRAVERS LE BRUIT NUMÉRIQUE



Les messageries et les chats sont apparus comme des outils de communication pratiques, mais se sont peu à peu transformés en mécanismes de pression informationnelle. Au lieu de faciliter les échanges, ils ont envahi nos vies de notifications constantes, de flux de messages inutiles et du sentiment que nous devons toujours être joignables. Qu'est-ce qui se cache derrière ce phénomène, et comment s'en protéger ?

La communication numérique s'est développée comme un moyen de simplifier les échanges : l'e-mail a remplacé les lettres, les messageries instantanées ont remplacé les appels. Pourtant, au lieu de libérer du temps, elles ont commencé à l'absorber.

L'individu moderne vérifie constamment son téléphone, ressent de l'anxiété à cause des messages manqués, et est contraint de mener des dizaines de conversations parallèles, pour la plupart dépourvues de sens. Cela devient une forme de violence numérique inconsciente.

Nous avons tendance à considérer la violence comme une pression physique ou psychologique. Mais la surcharge d'informations, la disponibilité imposée et l'érosion de l'espace personnel sont aussi des formes de violence. Elles nous privent du contrôle sur notre propre temps, provoquent anxiété, culpabilité pour les réponses tardives, fatigue et épuisement face au flot permanent d'informations.

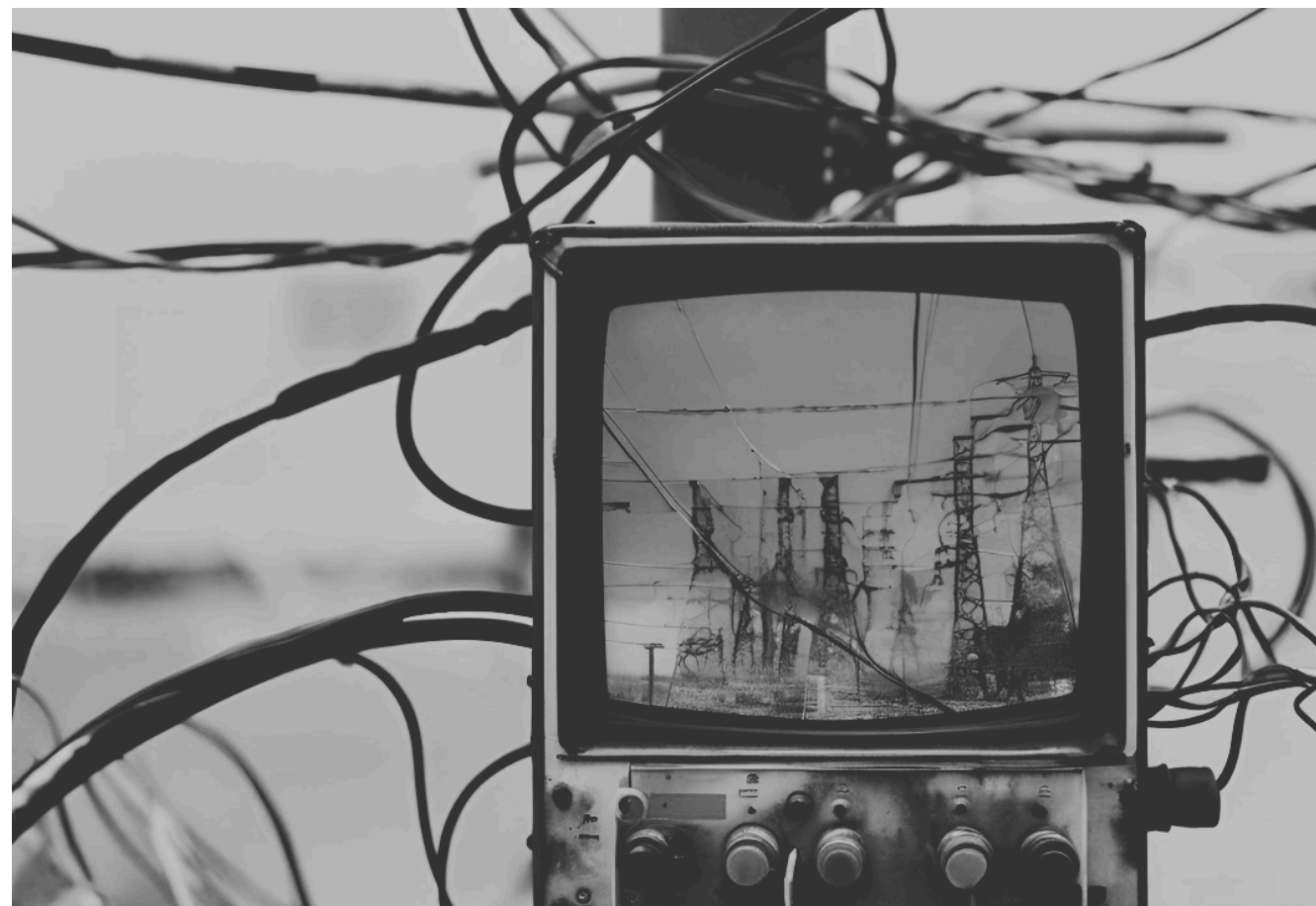
Les sujets professionnels s'invitent en dehors des horaires de travail, les frontières personnelles s'effacent, et l'obligation implicite d'être joignable devient la norme. Les discussions dans les chats sont remplies de bavardages inutiles, de mèmes, de messages vocaux vagues, créant un bruit constant.

Les messageries et les réseaux sociaux sont conçus pour provoquer une dépendance, attirant l'utilisateur dans une boucle infinie de défilement et de notifications.

Le monde est entré dans une phase où l'information est une marchandise et l'attention, une monnaie. Les entreprises et les médias se battent pour chaque clic, chaque seconde passée sur leurs plateformes. Les algorithmes des réseaux sociaux sont faits pour que les utilisateurs y restent le plus longtemps possible — en scrollant, likant, réagissant.

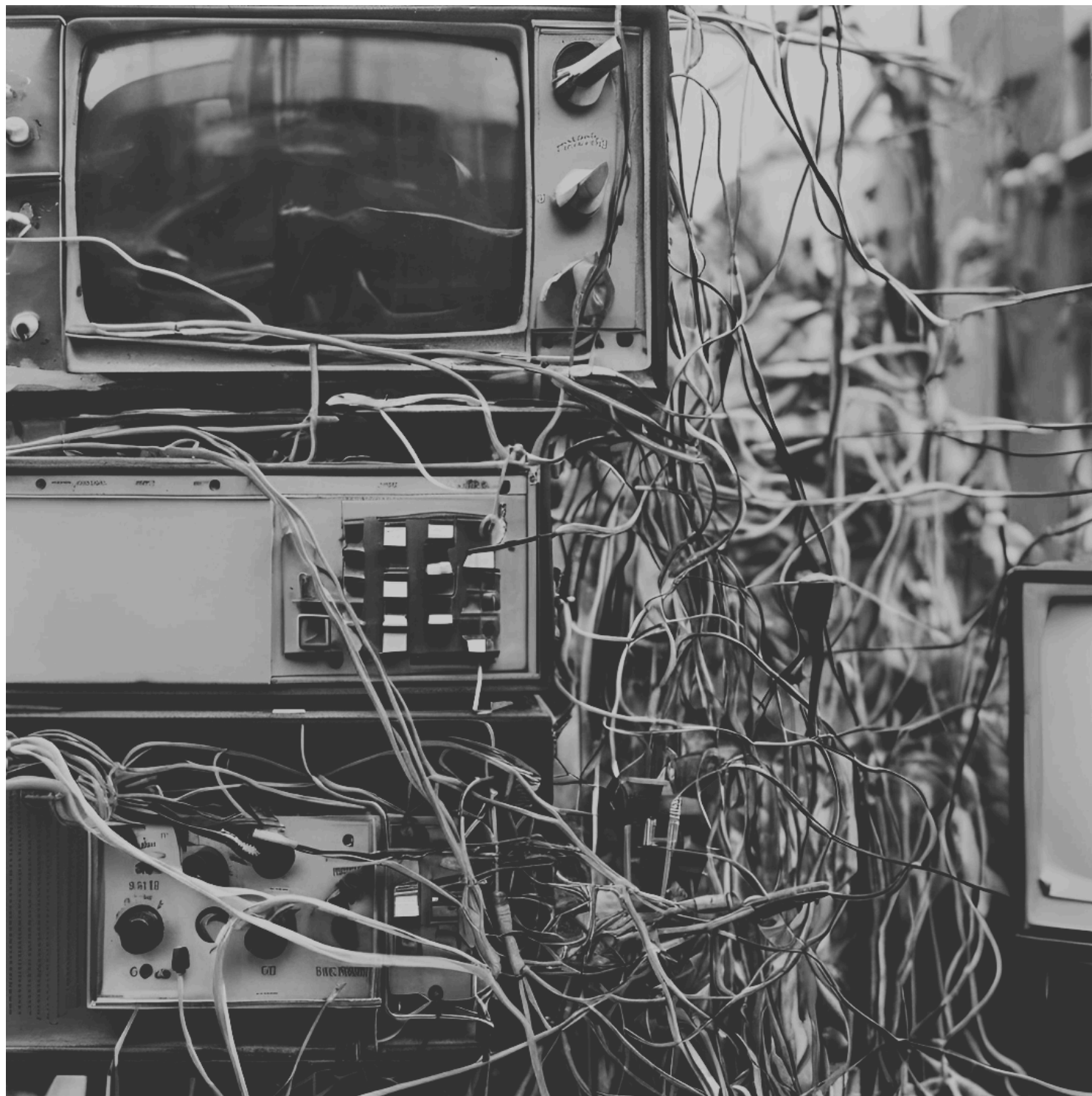
Les actualités deviennent plus agressives pour susciter des émotions et provoquer des débats, car cela augmente l'engagement. Le bruit numérique est, en quelque sorte, la drogue de notre époque. Il crée une dépendance, accapare notre attention, donne une illusion d'importance et de présence, mais nous épuise et nous vide.

Chaque pic d'information est une « dose » de dopamine : une notification, une info brûlante, un nouveau conflit, un mème viral. Les gens s'habituent à ce flux d'événements comme les dépendants s'habituent aux stimulants. Il est difficile de renoncer à ce bruit, car il fait désormais partie de la biochimie de notre cerveau.



НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

МЕДИА И ЦИФРОВОЙ ШУМ В ЭПОХУ ВОЙН



В эпоху войн цифровой шум превращается в инструмент манипуляции, дезинформации и психологического давления. Он становится не просто фоном, а оружием, влияющим на общественное мнение, эмоциональное состояние и восприятие реальности. Когда информации слишком много, ее становится легче игнорировать. Люди устают от постоянного напора событий и могут перестать реагировать на важные вещи, воспринимая войну как «ещё один поток новостей».

Социальные сети подсовывают пользователям контент, соответствующий их взглядам, усиливая поляризацию. Война становится не только физической, но и идеологической, разделяя людей в цифровой среде. Медиа не просто участвуют в создании цифрового шума — они являются его двигателем. В эпоху войн это превращается в мощную систему манипуляции, где информация не только передаётся, но и конструирует реальность, управляя эмоциями, восприятием и даже поведением людей.

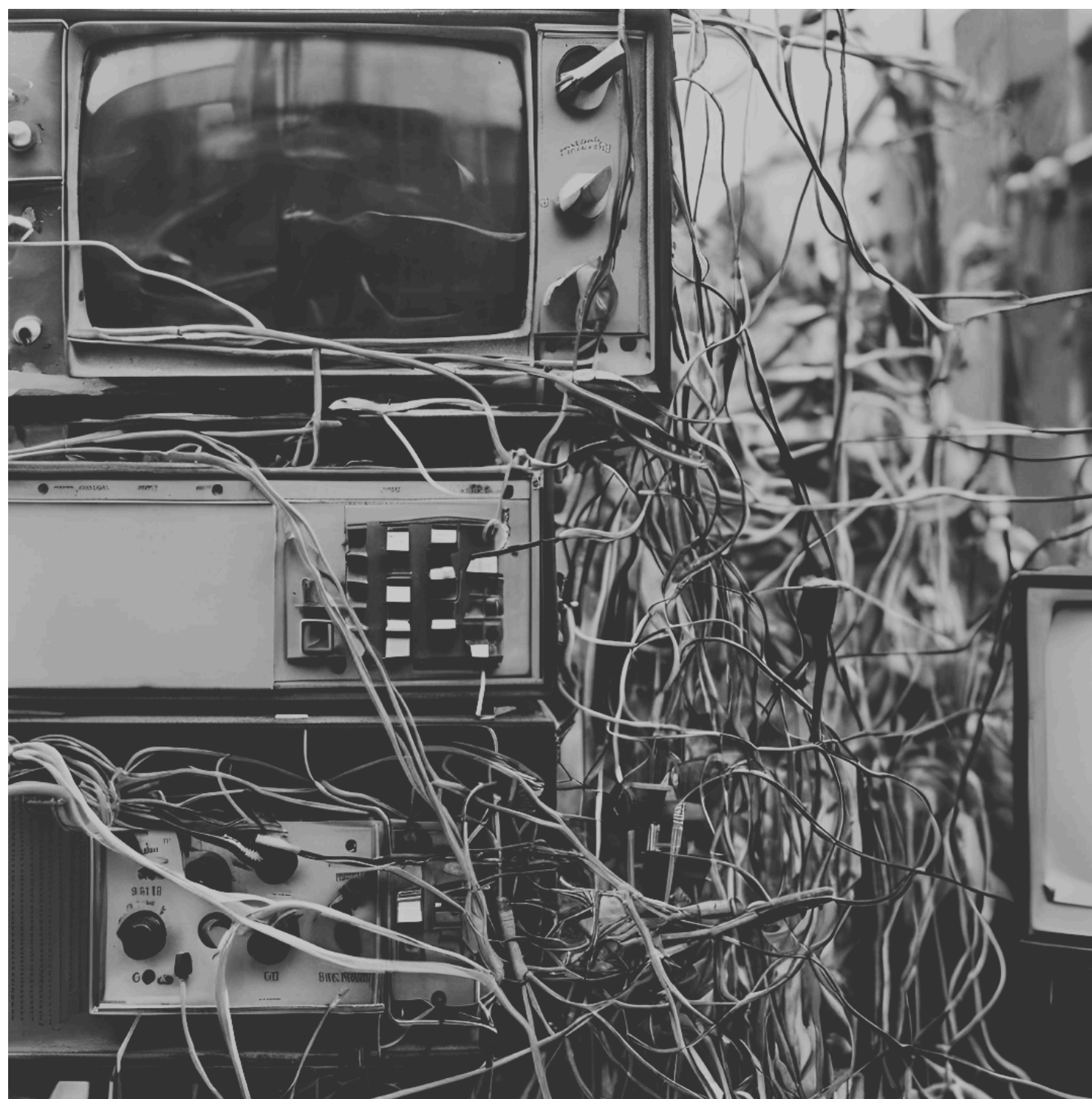
Многие медиа зависят от рекламных доходов, а значит, их цель — удерживать внимание любой ценой. Чем больше эмоций вызывает новость, тем активнее ее читают, лайкают, комментируют. Это делает сенсационность важнее правдивости.

Войны, кризисы, скандалы — лучший способ разделить аудиторию на лагеря. Медиа подогревают конфликты, превращая сложные вопросы в простые «добро vs зло», чтобы люди эмоционально вовлекались и постоянно возвращались за «новыми фактами». Социальные сети работают как фильтр: алгоритмы показывают пользователям то, что соответствует их взглядам. Это создаёт эффект «информационного пузыря», когда люди получают подтверждение своих убеждений и отдаляются от альтернативных точек зрения. Война новостей — это война за реакцию. Медиа создают впечатление, что каждое событие требует немедленной реакции. Это приводит к тревожности, усталости и неспособности к глубокой рефлексии.

Цифровой шум стал новым инструментом насилия, особенно в эпоху войн, когда медиа превращают информацию в оружие. Единственной защитой становится критическое дистанцирование и способность фильтровать информацию, восстанавливая контроль над собственным сознанием.

INTROVERT NEWS

MEDIA AND DIGITAL NOISE IN THE AGE OF WAR



In the age of wars, digital noise becomes a tool of manipulation, disinformation, and psychological pressure. It is no longer just background noise, but a weapon that influences public opinion, emotional states, and the perception of reality.

When there is too much information, it becomes easier to ignore. People grow tired of the constant stream of events and may stop reacting to important things, perceiving war as “just another news feed.” Social networks feed users content that aligns with their views, intensifying polarization. War becomes not only physical but also ideological, dividing people in the digital realm.

The media don’t just participate in the creation of digital noise — they are its driving force. In wartime, this becomes a powerful system of manipulation, where information is not only transmitted but also constructs reality, shaping emotions, perception, and even behavior. Many media outlets rely on advertising revenue, which means their goal is to capture attention at any cost. The more emotional a news item is, the more it is read, liked, and commented on. Sensationalism becomes more important than truth.

Wars, crises, scandals — these are the most effective ways to divide audiences into opposing camps. The media fuel conflicts, reducing complex issues to simple “good vs evil” narratives, so that people become emotionally involved and keep coming back for “new facts.”

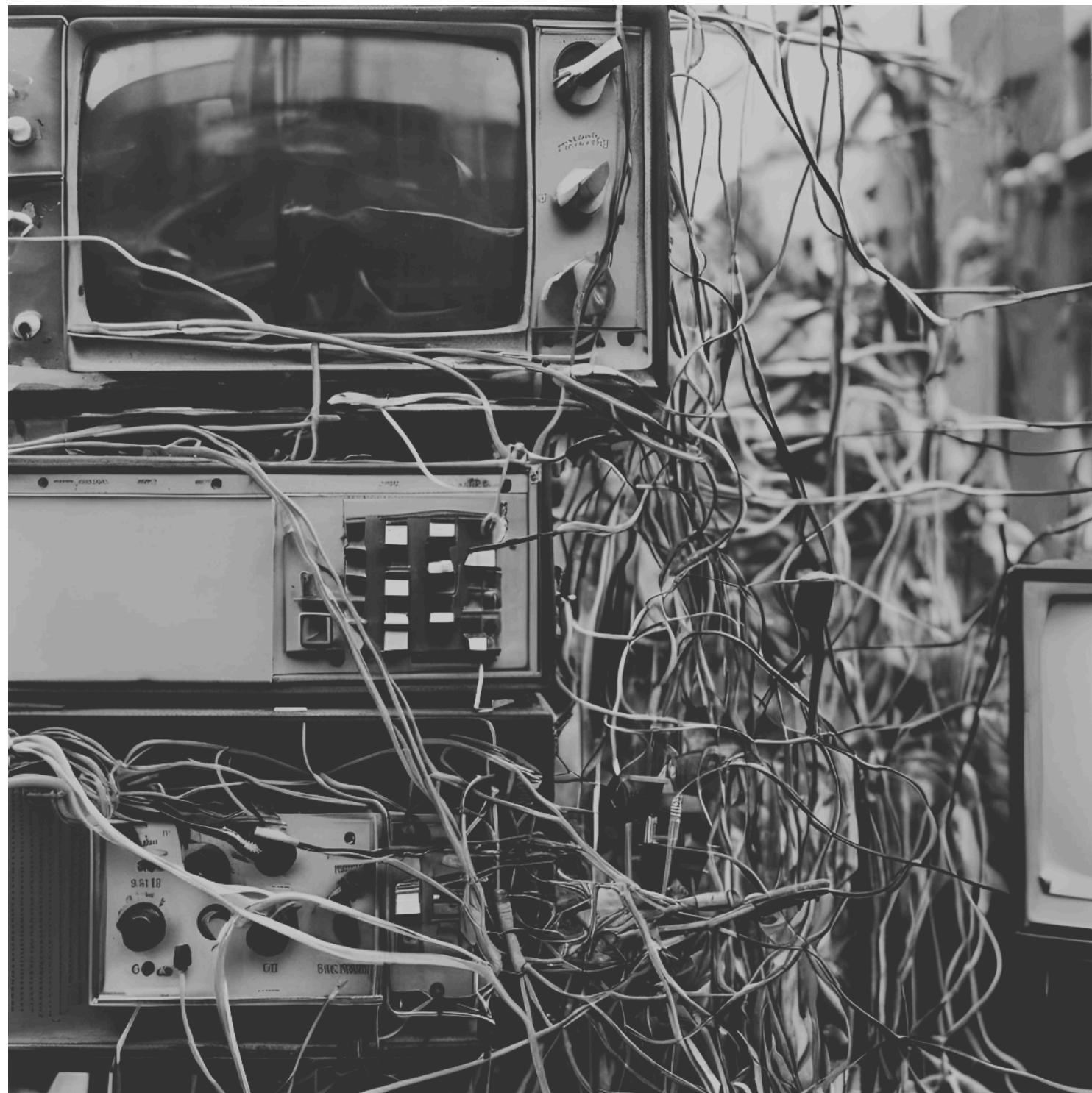
Social networks act as filters: algorithms show users content that matches their beliefs. This creates an “information bubble,” where people receive confirmation of their own views and drift further away from alternative perspectives.

The war of news is a war for reaction. The media create the impression that every event demands an immediate response. This leads to anxiety, fatigue, and an inability for deep reflection.

Digital noise has become a new tool of violence — especially in times of war, when the media turn information into a weapon. The only defense is critical distance and the ability to filter information, regaining control over one’s own consciousness.

ACTUALITÉS INTROVERTIES

LES MÉDIAS ET LE BRUIT NUMÉRIQUE À L'ÈRE DE LA GUERRE



À l'ère des guerres, le bruit numérique devient un outil de manipulation, de désinformation et de pression psychologique. Il ne constitue plus seulement un fond sonore, mais une arme qui influence l'opinion publique, l'état émotionnel et la perception de la réalité.

Quand l'information est surabondante, il devient plus facile de l'ignorer. Les gens se lassent du flot constant d'événements et peuvent cesser de réagir à des choses importantes, percevant la guerre comme « un flux d'actualités de plus ». Les réseaux sociaux proposent aux utilisateurs des contenus conformes à leurs opinions, renforçant ainsi la polarisation. La guerre devient non seulement physique, mais aussi idéologique, divisant les individus dans l'espace numérique.

Les médias ne se contentent pas de contribuer au bruit numérique — ils en sont le moteur. En temps de guerre, cela devient un puissant système de manipulation, où l'information ne fait pas que circuler : elle construit la réalité, gouverne les émotions, la perception et même le comportement.

De nombreux médias dépendent des revenus publicitaires, ce qui signifie que leur objectif est de capter l'attention à tout prix. Plus une nouvelle suscite d'émotions, plus elle est lue, aimée, commentée. Le sensationnalisme prime alors sur la véracité.

Guerres, crises, scandales — ce sont les moyens les plus efficaces de diviser le public en camps opposés. Les médias attisent les conflits, réduisant des enjeux complexes à des récits simplifiés de « bien contre mal », afin d'impliquer émotionnellement les gens et les faire revenir sans cesse chercher de « nouveaux faits ».

Les réseaux sociaux fonctionnent comme des filtres : les algorithmes montrent aux utilisateurs des contenus qui confirment leurs croyances. Cela crée une « bulle d'information » dans laquelle les individus voient leurs convictions renforcées et s'éloignent des points de vue alternatifs.

La guerre de l'information est une guerre pour la réaction. Les médias donnent l'impression que chaque événement exige une réaction immédiate. Cela engendre de l'anxiété, de la fatigue et une incapacité à la réflexion profonde.

Le bruit numérique est devenu un nouvel outil de violence, surtout en temps de guerre, lorsque les médias transforment l'information en arme. La seule protection réside dans la prise de distance critique et la capacité à filtrer les informations, pour reprendre le contrôle de sa conscience.

НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

НОВАЯ ЭТИКА И РАДИКАЛИЗАЦИЯ МИРА



Каждый день я задаюсь вопросом: действительно ли новая этика делает наш мир лучше? Или она лишь создает иллюзию прогресса, порождая новые конфликты и точки разлома?

На первый взгляд, её цели кажутся благородными: признание уязвимых, учет новых социальных реалий, борьба за справедливость. Но за этими лозунгами всё чаще скрываются механизмы давления и морального контроля. Вместо переосмысления — поверхностное морализаторство, вместо эмпатии — риторика. В каком-то смысле новая этика напоминает косметический ремонт старого здания: обои переклеены, но стены трещат по швам.

Этика не может быть внедрена сверху. Это не свод правил, а производное внутреннего мира, мышления, культуры.

Настоящие перемены начинаются не с кодексов, а с тихого — порой болезненного — процесса рефлексии. С того, как мы слушаем, как замечаем друг друга, как учимся сомневаться даже в собственной правоте.

Особенно остро встает вопрос: а что делать с теми, кто не принадлежит к интеллектуальной прослойке, не склонен к самоанализу, но активно участвует в борьбе за справедливость?

Многие отстаивают лишь свои интересы, не желая замечать сложность других взглядов. Они требуют свободы для себя, но не готовы признать свободу иного. Это не этика, а борьба за привилегию под флагом справедливости.

И вот парадокс: новая этика борется за разнообразие, но боится противоречий. Она защищает одних — исключая других. Она стремится к прогрессу — но сама всё чаще становится новой формой догмы.

Это особенно заметно в цифровой среде. Соцсети, активизм, публичные обсуждения — всё это превращает этику в арену столкновений. Кто громче, тот прав. Кто тоньше чувствует — чаще оказывается виноват. Простой разговор об уважении оборачивается сложным механизмом социальной оценки, где каждый шаг может быть интерпретирован как ошибка, а любое слово — как преступление против новой морали.

Можно ли говорить об универсальных этических нормах в мире, где культура отмены, травма, уязвимость и идентичность стали основами публичного поведения? Где «свобода слова» больше не считается абсолютом, а язык стал полем борьбы за власть?

Всё это — признаки не зрелой системы, а переходного этапа. Новая этика ещё только ищет себя, но уже сталкивается с собственными противоречиями. Она хочет быть универсальной, но натывается на культурные различия. Она хочет быть освободительной, но порой становится карательной. Она призывает к сочувствию, но сама не всегда готова к диалогу.

В этом контексте особенно важно защищать сложность мышления. Ценить не только видимую эмпатию, но и внутреннюю честность. Не бояться противоречий, а учиться жить с ними. Потому что настоящая справедливость — не в том, чтобы всех приравнять, а в том, чтобы признать право каждого на уникальность. Не механическую, идеологическую — а живую, подвижную, думающую.

Сегодня нам особенно нужно пространство для этих тонких процессов. Не правила, а атмосфера. Не догма, а доверие. Новая этика может стать частью будущего — но только если будет готова к собственной трансформации. Иначе она останется просто ещё одним инструментом власти — с новыми словами, но со старым содержанием.

INTROVERT NEWS

NEW ETHICS AND THE RADICALIZATION OF THE WORLD



Every day I ask myself: does the new ethics truly make our world better? Or does it merely create an illusion of progress, giving rise to new conflicts and fault lines?

At first glance, its goals seem noble: acknowledging the vulnerable, addressing new social realities, fighting for justice. But behind these slogans, mechanisms of pressure and moral control are increasingly at play. Instead of rethinking — we get superficial moralizing; instead of empathy — rhetoric. In a way, the new ethics is like cosmetic renovation of an old building: the wallpaper is new, but the walls are still cracking. Ethics cannot be imposed from above. It is not a set of rules but a product of inner life, thought, and culture. Real change begins not with codes, but with a quiet — and often painful — process of reflection. With how we listen, how we notice each other, how we learn to doubt even our own righteousness.

The pressing question is: what about those who don't belong to the intellectual elite, who are not inclined to self-reflection, yet actively engage in the struggle for justice?

Many advocate only for their own interests, refusing to acknowledge the complexity of other viewpoints. They demand freedom for themselves but are unwilling to grant it to others. This is not ethics, but a struggle for privilege disguised as justice. And here lies the paradox: the new ethics fights for diversity but fears contradiction. It protects some — by excluding others. It seeks progress — but increasingly becomes a new form of dogma.

This is particularly evident in the digital environment. Social media, activism, public discourse — all turn ethics into an arena of confrontation. Whoever shouts louder is right. Those who feel more deeply — are more often blamed. A simple conversation about respect becomes a complex system of social judgment, where every step can be interpreted as a mistake, and any word — as a crime against the new morality. Can we even speak of universal ethical norms in a world where cancel culture, trauma, vulnerability, and identity have become the foundations of public behavior? Where "freedom of speech" is no longer considered absolute, and language has become a battleground for power? These are not signs of a mature system but of a transitional phase. The new ethics is still searching for itself — and is already colliding with its own contradictions. It strives to be universal, but runs into cultural differences. It wants to be liberating, but sometimes becomes punitive. It calls for compassion, yet is not always ready for dialogue.

In this context, it is especially important to defend complexity of thought. To value not only visible empathy but also inner honesty. Not to fear contradictions — but to learn to live with them. Because true justice is not about making everyone the same, but about recognizing each person's right to uniqueness. Not mechanical, ideological — but living, evolving, thinking.

Today, we need space for these delicate processes more than ever. Not rules, but atmosphere. Not dogma, but trust. The new ethics can become part of the future — but only if it is ready for its own transformation. Otherwise, it will remain just another instrument of power — with new words, but the same old substance.

ACTUALITÉS INTROVERTIES

NOUVELLE ÉTHIQUE ET RADICALISATION DU MONDE



Chaque jour, je me pose la question : la nouvelle éthique rend-elle vraiment notre monde meilleur ? Ou crée-t-elle seulement l'illusion du progrès, en engendrant de nouveaux conflits et de nouvelles lignes de fracture ?

À première vue, ses objectifs semblent nobles : reconnaissance des personnes vulnérables, prise en compte des nouvelles réalités sociales, lutte pour la justice. Mais derrière ces slogans se cachent de plus en plus des mécanismes de pression et de contrôle moral. Au lieu d'une remise en question réelle — un moralisme de surface ; au lieu de l'empathie — de la rhétorique. D'une certaine manière, la nouvelle éthique ressemble à une rénovation cosmétique d'un vieux bâtiment : le papier peint est changé, mais les murs se fissurent toujours.

L'éthique ne peut pas être imposée d'en haut. Ce n'est pas un code de règles, mais le reflet du monde intérieur, de la pensée et de la culture. Le véritable changement commence non par des règlements, mais par un processus silencieux — et parfois douloureux — de réflexion. Par la manière dont nous écoutons, dont nous nous remarquons les uns les autres, dont nous apprenons à douter même de notre propre raison. Une question se pose alors avec acuité : que faire de ceux qui ne font pas partie de l'élite intellectuelle, qui ne sont pas portés à l'introspection, mais qui participent activement à la lutte pour la justice ?

Beaucoup défendent uniquement leurs propres intérêts, sans vouloir voir la complexité des autres points de vue. Ils réclament la liberté pour eux-mêmes, mais ne sont pas prêts à la reconnaître pour autrui. Ce n'est pas de l'éthique, mais une lutte pour des privilèges, déguisée en quête de justice. Et voici le paradoxe : la nouvelle éthique se bat pour la diversité, mais redoute les contradictions. Elle protège certains — en excluant d'autres. Elle vise le progrès — mais devient elle-même de plus en plus une nouvelle forme de dogme.

Cela est particulièrement visible dans l'espace numérique. Les réseaux sociaux, l'activisme, les débats publics — tout cela transforme l'éthique en champ de bataille. Celui qui crie le plus fort a raison. Celui qui ressent plus finement — est souvent blâmé. Une simple conversation sur le respect devient un système complexe d'évaluation sociale, où chaque geste peut être interprété comme une erreur, chaque mot — comme une faute morale. Peut-on encore parler de normes éthiques universelles dans un monde où la cancel culture, le traumatisme, la vulnérabilité et l'identité sont devenus les fondements du comportement public ? Où la « liberté d'expression » n'est plus un absolu, et où le langage est devenu un champ de lutte pour le pouvoir ? Ce ne sont pas les signes d'un système mûr, mais d'une phase transitoire. La nouvelle éthique est encore en quête d'elle-même, et déjà confrontée à ses propres contradictions. Elle veut être universelle, mais se heurte aux différences culturelles. Elle veut être libératrice, mais devient parfois punitive. Elle appelle à la compassion, mais n'est pas toujours prête au dialogue.

Dans ce contexte, il est essentiel de défendre la complexité de la pensée. De valoriser non seulement l'empathie visible, mais aussi l'honnêteté intérieure. De ne pas craindre les contradictions — mais d'apprendre à vivre avec elles. Car la véritable justice ne consiste pas à égaliser tout le monde, mais à reconnaître à chacun le droit à l'unicité. Non pas une unicité mécanique ou idéologique — mais vivante, mouvante, réfléchie.

Aujourd'hui, nous avons besoin d'un espace pour ces processus subtils. Pas de règles, mais une atmosphère. Pas de dogme, mais de la confiance. La nouvelle éthique peut faire partie de l'avenir — mais seulement si elle accepte de se transformer elle-même. Sinon, elle ne sera qu'un autre outil du pouvoir — avec des mots nouveaux, mais le même fond ancien.

НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

О РАЗУМНОМ ГУМАНИЗМЕ

Мы живём в эпоху, где крайности звучат громче нюансов, а моральные лозунги подменяют разговор. В условиях идеологической поляризации человек всё чаще исчезает из центра внимания — уступая место символам, ярлыкам и безапелляционным суждениям. Но возможно ли вновь поставить человека в центр — не как идеал, а как живое, мыслящее, уязвимое и развивающееся существо?

Разумный гуманизм — это не набор лозунгов, а попытка удержать сложность. Это стремление к мышлению, в котором сочетаются этика и прагматизм, свобода и ответственность, эмпатия и структурность. Это путь тех, кто не выбирает между правым и левым, а стремится видеть ценности по обе стороны и искать в них точки пересечения, а не конфликта.

Равенство и свобода, забота и требовательность, устойчивость и обновление — разве это противоположности? Скорее, это оси координат, в которых можно искать баланс. Левый идеал защищает слабых и стремится к социальной справедливости. Правый — настаивает на личной ответственности, уважении к институтам и традициям. Вместе они могут очертить пространство, в котором человек не растворяется в системе, но и не остаётся без опоры.

Можно ли пересмотреть логику "отмены", культуру немедленного осуждения, где ошибка становится приговором? Ведь мышление требует времени, а развитие — возможности меняться. Учёба невозможна без права быть неправым. И свобода слова не существует без готовности отвечать за сказанное. Забота не должна отменять требования, а солидарность — стирать различия. Подлинное уважение к человеку — в признании его сложности.

Говоря об устойчивости, мы не имеем в виду неподвижность. Речь — об умении адаптироваться, обновляться, удерживать внутреннюю ткань общества в целостности даже в момент кризиса. Экология, экономика, культура, институты — всё это может быть устойчивым лишь тогда, когда существует доверие и способность к сотрудничеству.

Культура, образование, наука — не арены идеологических боёв, а сферы, где вырабатываются критическое мышление, эмпатия, способность слышать и быть услышанным. Именно в них формируется то, что можно назвать зрелостью общества. А труд — любой труд — должен быть признан как форма участия в общем деле, а не маркер социального статуса.

Быть «правым» или «левым» — не цель. Цель — быть честным, добросовестным, открытым к диалогу и способным к сомнению. Гуманизм — это не слабость, а форма внутренней дисциплины, ориентированной не на мгновенную правоту, а на устойчивое и справедливое будущее. Общество, где звучат разные голоса, но слышно общее движение. К лучшему — для всех.



INTROVERT NEWS

ON REASONABLE HUMANISM

We live in an era where extremes speak louder than nuance, and moral slogans replace meaningful conversation. In a time of ideological polarization, the human being often disappears from the center of attention — replaced by symbols, labels, and categorical judgments. But is it possible to place the human back at the center — not as an ideal, but as a living, thinking, vulnerable, and evolving being?

Reasonable humanism is not a set of slogans, but an attempt to hold on to complexity. It is a form of thinking that combines ethics and pragmatism, freedom and responsibility, empathy and structure. It is the path of those who do not choose between left and right but seek to understand the values on both sides and find points of convergence rather than conflict.

Equality and freedom, care and demand, stability and renewal — are these truly opposites? Rather, they are axes of a coordinate system in which balance can be found. The left ideal protects the vulnerable and strives for social justice. The right emphasizes personal responsibility and respect for institutions and traditions. Together, they can define a space in which the individual is neither dissolved in the system nor left without support.

Can we rethink the logic of “cancellation” — the culture of immediate condemnation where a mistake becomes a sentence? After all, thought requires time, and development needs the possibility of change. Learning is impossible without the right to be wrong. And freedom of speech cannot exist without the readiness to take responsibility. Care should not negate demands, and solidarity should not erase differences. True respect for a person lies in recognizing their complexity.

When we speak of resilience, we do not mean immobility. We mean the ability to adapt, to renew, to hold together the social fabric even in moments of crisis. Ecology, economy, culture, institutions — all of these can be sustainable only when trust and cooperation exist.

Culture, education, and science are not arenas for ideological battles, but spheres where critical thinking, empathy, and the ability to hear and be heard are cultivated. These are the foundations of what we can call a mature society. And labor — any labor — must be recognized as a form of participation in the common good, not as a marker of social status.

To be “left” or “right” is not the goal. The goal is to be honest, conscientious, open to dialogue, and capable of doubt. Humanism is not weakness, but a form of inner discipline oriented not toward instant righteousness, but toward a sustainable and just future. A society where many voices are heard — yet a shared direction emerges. Toward the better — for all.



ACTUALITÉS INTROVERTIES

DU HUMANISME RAISONNÉ

Nous vivons à une époque où les extrêmes font plus de bruit que les nuances, et où les slogans moraux remplacent le dialogue. Dans un contexte de polarisation idéologique, l'être humain disparaît souvent du centre de l'attention — cédant la place aux symboles, aux étiquettes, aux jugements sans appel. Mais est-il possible de remettre l'humain au centre — non pas comme un idéal, mais comme un être vivant, pensant, vulnérable et en évolution ?

L'humanisme raisonné n'est pas un ensemble de slogans, mais une tentative de maintenir la complexité. C'est une pensée qui allie éthique et pragmatisme, liberté et responsabilité, empathie et structuration. C'est la voie de ceux qui ne choisissent pas entre la gauche et la droite, mais qui cherchent à comprendre les valeurs des deux côtés, et à y trouver des points de rencontre plutôt que des conflits.

Égalité et liberté, bienveillance et exigence, stabilité et renouvellement — sont-ce vraiment des opposés ? Ce sont plutôt des axes dans un espace où l'on peut rechercher l'équilibre. L'idéal de gauche protège les plus vulnérables et tend vers la justice sociale. L'idéal de droite insiste sur la responsabilité individuelle, le respect des institutions et des traditions. Ensemble, ils peuvent dessiner un espace où l'individu ne se dissout pas dans le système, mais ne se retrouve pas non plus sans appui.

Peut-on repenser la logique de la “cancel culture”, cette culture de la condamnation immédiate où l'erreur devient une sentence ? Car penser demande du temps, et évoluer nécessite la possibilité de changer. On n'apprend pas sans droit à l'erreur. Et la liberté d'expression n'existe pas sans volonté d'assumer ses paroles. La bienveillance ne doit pas effacer l'exigence, ni la solidarité gommer les différences. Le véritable respect de l'humain passe par la reconnaissance de sa complexité.

Lorsque nous parlons de durabilité, ce n'est pas d'immobilité qu'il s'agit. Il est question de la capacité à s'adapter, à se renouveler, à maintenir la cohésion du tissu social même en temps de crise. Écologie, économie, culture, institutions — tout cela ne peut être durable que s'il existe de la confiance et un esprit de coopération.

La culture, l'éducation, la science ne sont pas des terrains de bataille idéologique, mais des espaces où s'élaborent la pensée critique, l'empathie, la capacité d'écouter et de se faire entendre. C'est là que se forge ce qu'on peut appeler la maturité d'une société. Et le travail — tout travail — doit être reconnu comme une forme de participation au bien commun, et non comme un simple marqueur de statut social.

Être « de gauche » ou « de droite » n'est pas une fin en soi. La véritable finalité est d'être honnête, intègre, ouvert au dialogue et capable de remise en question. L'humanisme n'est pas une faiblesse, mais une discipline intérieure orientée non vers la victoire immédiate, mais vers un avenir juste et durable. Une société où résonnent des voix diverses — mais qui avancent ensemble. Vers le mieux — pour tous.



НОВОСТИ ИНТРОВЕРТОВ

серия статей, созданных в соавторстве с искусственным интеллектом

В рамках совместного проекта Дарья Пантелеева и искусственный интеллект выступают как соавторы, объединяя художественную интуицию и языковую чувствительность с алгоритмическим мышлением и критическим анализом. В результате этого сотрудничества родилась серия текстов, оформленных как статьи вымышленной газеты. Эти тексты представляют собой размышления о современном мире — его противоречиях, уязвимостях, трансформациях. Через диалог, построенный на доверии и поиске, авторы исследуют социальные, политические и культурные явления, используя форму статьи как способ как анализа, так и поэтической рефлексии.

Одновременно проект затрагивает визуальную и графическую сторону языка, исследуя, как тексты на трёх языках — русском, французском и английском — воспринимаются визуально и взаимодействуют с изображениями, сгенерированными на основе словесных описаний. Эксперименты с типографикой, композицией и соотношением текста и изображения становятся важной частью художественного высказывания.

Этот проект — попытка осмысления действительности с разных углов, где человек и алгоритм не противопоставлены, а дополняют друг друга в общем поле мышления.

INTROVERT NEWS

A series of articles co-created with artificial intelligence

In this collaborative project, Daria Panteleeva and AI act as co-authors, merging artistic intuition and linguistic sensitivity with algorithmic thinking and critical analysis. This partnership gave birth to a series of texts presented as articles from a fictional newspaper. These texts reflect on the contemporary world—its contradictions, vulnerabilities, and transformations. Through a dialogue based on trust and exploration, the authors examine social, political, and cultural phenomena, using the format of the article as both analytical tool and poetic reflection.

At the same time, the project touches on the visual and graphic dimensions of language, exploring how texts in three languages—Russian, French, and English—are perceived visually and interact with images generated from verbal descriptions. Experiments with typography, composition, and the relationship between text and image form an essential part of the artistic statement.

This project is an attempt to comprehend reality from different angles, where human and algorithm are not in opposition but complement each other within a shared field of thought.

ACTUALITÉS INTROVERTIES

Une série d’articles créés en co-écriture avec une intelligence artificielle

Dans ce projet collaboratif, Daria Panteleeva et l’IA interviennent en tant que co-autrices, en associant intuition artistique et sensibilité linguistique à la pensée algorithmique et à l’analyse critique. De cette collaboration est née une série de textes, présentés comme des articles d’un journal fictif. Ces textes proposent une réflexion sur le monde contemporain — ses contradictions, ses vulnérabilités, ses transformations. À travers un dialogue fondé sur la confiance et la recherche, les autrices explorent des phénomènes sociaux, politiques et culturels, en utilisant la forme de l’article comme un outil d’analyse autant que de réflexion poétique.

Le projet aborde également la dimension visuelle et graphique du langage, en étudiant comment les textes en trois langues — russe, français et anglais — sont perçus visuellement et interagissent avec des images générées à partir de descriptions verbales. Les expérimentations typographiques, la composition et le rapport texte-image deviennent des éléments essentiels de l’expression artistique.

Ce projet est une tentative de compréhension de la réalité sous différents angles, où l’humain et l’algorithme ne s’opposent pas, mais se complètent dans un champ de pensée commun.